

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вопросы культуры речи. [Сб. статей.] I. Под ред. С. И. Ожегова. — М., Изд-во АН СССР, 1955. 240 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

Интересным и содержательным сборником «Вопросы культуры речи» Институт языкознания начал издание серии работ, посвященных важнейшим проблемам развития современной речевой культуры. Общеизвестно, как живо и горячо откликается наша общественность на различные статьи и книги, посвященные культуре устной и письменной речи. Поэтому вполне очевидна актуальность разработки теоретических основ и решения вопросов повседневной языковой практики. Не менее очевидны и те большие перспективы, которые открываются в этой области.

Опубликованный сборник, при общем одобрительном к нему отношении, вызывает у читателей разнообразие отклики и замечания по поводу помещенных в нем статей, которые существенно различаются по характеру исследуемого материала и общей направленности. В связи с этим в качестве главного и первоочередного остро встал вопрос: что необходимо понимать под «культурой речи», т. е. каковы объем и содержание этого понятия, какой круг вопросов относится к этой проблеме, каково ее место среди других проблем языкознания и, следовательно, как должны разрабатываться научно-теоретические основы развития и совершенствования речевой культуры?

Культура речи — это в первую очередь проблема стилистического характера, так как с ней связаны вопросы функционирования языка, наиболее целесообразного и эффективного использования речевых средств. Известно, что под высокой речевой культурой человека обычно имеется в виду умение в совершенстве владеть языком, наиболее удачно выбирать и употреблять речевые средства, говорить и писать выразительно, ярко, красноречиво. Образцовая речь немислима также без соблюдения грамматических и других норм языка, ибо грамотность — это низшая ступень речевой культуры, это элементарное требование, предъявляемое к устной и письменной речи.

Итак, культура речи — это область словесного мастерства. Принципы и закономерности создания образцовой устной или письменной речи, методы и способы отбора средств языка и наиболее удачного их применения — вот чему главным образом должны быть посвящены работы, закладывающие теоретические основы развития речевой культуры.

Объем и содержание вопросов, относящихся к культуре речи, иногда искусственно сужаются, упрощаются, а самые задачи развития речевой культуры сводятся лишь к соблюдению норм языка, т. е. в конце концов — к борьбе за грамотность речи. Например, в статье В. Л. Воронцовой и А. И. Сумкиной «О новых книгах по культуре речи»¹ под культурой речи понимается умелое, свободное владение словарными, грамматическими, орфоэпическими, стилистическими нормами литературного языка. Вполне очевидно, что авторы неправильно понимают содержание речевой культуры и задачи ее повышения. Дело в том, что «владение нормами» — это элементарное требование, предъявляемое к любому грамотному человеку. Что же такое «умелое, свободное» владение грамматическими или орфоэпическими нормами и где эта «свобода» обращения, например, с восклицательным знаком, правописанием приставок или отрицательных частиц граничит с безграмотностью — остается пока еще недостаточно выясненным.

Следовательно, нельзя всю сложную и очень важную сумму вопросов развития речевой культуры свести к борьбе за грамотность устной и письменной речи. Наши учителя, лекторы, пропагандисты, живо интересующихся повышением своей речевой культуры, желающих добиться ее совершенства, овладеть ее высотами, раскрыть «секреты» подлинного красноречия, ни в коем случае не удовлетворят советы, существо которых сведется к необходимости соблюдать грамматические или произносительные нормы языка. Они ими владеют, говорят грамотно, но при всем этом давно убедились, что одной грамотности или правильности речи явно недостаточно, что успех, например,

¹ См. ВЯ, 1954, № 2.

публичного выступления (доклада, лекции, беседы и т. п.) определяется другими более важными и решающими факторами.

Еще В. Г. Белинский в свое время подчеркивал, что говорить п р а в и л ь н о и говорить х о р о ш о — совсем не одно и то же. При этом он указывал, что иной семинарист говорит и пишет как олицетворенная грамматика, а его нельзя ни слушать, ни читать¹. Грамматика, по его мнению, учит правильно говорить и писать, а стилистика — хорошо владеть языком.

В соответствии с этим речевая культура — важнейшая область стилистики, изучающей выразительные качества, экспрессию речевых средств, а также закономерности использования языка, его функционирование в различных стилях речи, в художественной, публицистической и иной литературе, в разнообразных контекстах отдельного высказывания. Поскольку же культура устной и письменной речи является одной из важнейших задач стилистики, весь круг вопросов, связанных с выразительностью речи, имеет первостепенное значение для различных исследований, пособий и справочников, призванных развивать и совершенствовать речевую культуру. Поэтому совершенно нецелесообразным и ошибочным следует признать заявление В. Л. Воронцовой и А. И. Сумкиной, рецензировавших некоторые книги по культуре речи, будто бы разделы этих книг, посвященные таким вопросам, как богатство русского языка, его выдающиеся качества, сила, выразительность и т. п., не имеют прямого отношения к проблеме культуры речи. Нельзя также согласиться с их замечанием относительно того, что правдивость, искренность и убежденность речи не имеют никакого отношения к рассматриваемой проблеме, что необходимо разграничивать «формы речи и ее содержание». Разумеется, такая теория обнаруживает явное непонимание существа и специфики стилистического анализа, например, современной публичной речи. Этот анализ не противопоставляет «формы» языка их содержанию, а раскрывает и объясняет целенаправленность употребления речевых средств, их органическую связь с содержанием, идейной направленностью и индивидуальным своеобразием говорящего. Акад. В. В. Виноградов указывает, что «при стилистическом подходе язык в художественной литературе неотделим от идейного замысла писателя, от образной ткани произведения, от характера действующих лиц и от той творческой личности повествователя, которая создается всей композицией художественного произведения»².

Нельзя также согласиться с тем, что убежденность, правдивость, искренность и другие к а ч е с т в а речи рассматриваются как ее «содержание». Ведь убежденно и искренне можно говорить на весьма различные по содержанию темы.

*

Стилистика, занимаясь вопросами развития культуры устной и письменной речи, обязана учить словесному мастерству, умению работать над речевыми средствами. Упрек, брошенный А. М. Горьким по адресу литературной критики, которая «не учит, как надобно работать над словом», непосредственно относится и к науке о русском языке, как это подчеркивает В. В. Виноградов в статье, помещенной в рецензируемом сборнике.

Имея в виду эти задачи и учитывая конкретные запросы и требования тех, кто обращается к образцовой речевой культуре и живо интересуется существом этой проблемы (студентов, учителей, докладчиков, лекторов, агитаторов и пропагандистов, преподавателей высшей школы, а также журналистов, писателей, артистов и др.), стилистика должна, на наш взгляд, разрабатывать — в качестве первоочередных — следующие вопросы:

- 1) экспрессивные качества речевых средств, существо речевой экспрессии и ее использование в целях создания выразительного языка и повышения всей национальной речевой культуры;
- 2) метафоризацию значения слов и выражений и закономерности образного, переносно-фигурального словоупотребления;
- 3) проблему эстетики слова в связи с изучением эстетических функций языка в художественных, публицистических и других произведениях, а также в ораторской речи, в различных видах публичных выступлений;
- 4) «стилистический паспорт» слов, частей речи, синтаксических конструкций, с которым приходится считаться каждому автору при отборе и употреблении речевых средств;
- 5) синонимические возможности языка и приемы индивидуального использования синонимов лексического, морфологического и синтаксического характера;
- 6) фразеологию как средство словесно-художественной изобразительности;

¹ См. В. Г. Белинский, Соч., т. IV, 1896, стр. 707.

² В. В. Виноградов, Насущные задачи советского литературоведения, сб. «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языковедению», М., 1951, стр. 15.

- 7) речевые средства юмора и сатиры;
- 8) ораторскую речь и ее характерные черты; формирование и развитие основных видов красноречия: академического красноречия, политического, судебного, церемониально-бытового и др.;
- 9) стили произношения и принципы их использования в разговорной речи, на сцене, а также в художественной литературе, где они привлекаются в целях создания характерной и типичной речи действующих лиц;
- 10) работу писателей и вообще выдающихся авторов над языком своих произведений, дающую хорошее представление о том, как автор достигает словесного мастерства;
- 11) понятие литературной нормы, принципы нормализации литературного языка, цели и задачи борьбы за единообразие литературных норм против недопустимых отклонений от них и тем более искажений.

В соответствии с изложенным здесь взглядом на задачи стилистики в развитии речевой культуры, мы и рассмотрим рецензируемый сборник.

*

Кроме статьи С. И. О ж е г о в а «Очередные вопросы культуры речи» (стр. 5—33), в которой безусловно правильно характеризуется общественное значение этой проблемы, определяется роль языковедов в повышении речевой культуры как важнейшей и составной части всей социалистической культуры, а также намечаются задачи научно-теоретического и практического характера, нам представляется, что наиболее содержательными и ценными для разработки вопросов культуры речи являются следующие статьи: акад. В. В. Виноградова, И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского и Н. Г. Корлягиной.

Статья В. В. Виноградова «Заметки о языке советских художественных произведений» (стр. 52—66) посвящена анализу наиболее существенных и типичных недостатков языка и стиля ряда современных произведений. Вопросы, которые поднимаются в этой статье, наиболее близки к теме о языковом мастерстве, о работе над словом как средством словесно-художественной изобразительности.

Указывая, что ощутимым недостатком языка многих писателей является «стилистическая одноцветность, монотонность, словесная бледность и серость, стандартность языка автора и особенно речи изображаемых лиц», что «широко распространенной стилистической болезнью нашей литературы является склонность к банальной „красивости“, к внешнему риторическому треску», что нередко наблюдается искажение значения слов, отрыв слова от предмета и связанные с этим логические ошибки и неточности, В. В. Виноградов раскрыл существо этих недостатков, привел большой и весьма выразительный материал. В силу этого статья наглядно показывает читателю характер языково-стилистических ошибок и погрешностей и ставит перед языковедами-стилистами задачи конкретного анализа этих ошибок.

Конечно, научный анализ словесной ткани художественных произведений и характеристику исторического развития языка писателей на фоне истории литературного языка могут дать прежде всего языковеды-стилисты, которых В. В. Виноградов в этой статье призывает исследовать и истолковывать речевые и стилистические открытия, а также ошибки в языке нашего словесного искусства и нашей прессы (стр. 57). Поэтому приходится лишь сожалеть, что автор указанной статьи иногда склонен передать литературоведам изучение словесного мастерства писателя и заявить, например, что «описание приемов, используемых Гоголем для формирования образов действующих лиц в „Мертвых душах“, относится, несомненно, к истории русской литературы, а не к истории русского литературного языка»¹.

*

Для развития речевой культуры и совершенствования словесного мастерства существенное значение имеет разработка вопросов, связанных с синонимикой. Рукописи любого писателя красноречиво свидетельствуют о том, что «муки слова» — это прежде всего работа над синонимическими средствами языка. В области синонимики пока что сделано непростительно мало. У нас нет даже словаря синонимов русского языка, в котором так нуждаются все приобщающиеся к высокой речевой культуре. Синонимика — это одна из центральных проблем стилистики, разработка которой существенно продвинет вперед культуру устной и письменной речи.

Опубликование в сборнике двух статей, посвященных синонимике, нельзя не приветствовать, ибо появление подобного рода работ следует всемерно поощрять.

¹ В. В. Виноградов, Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы, ВЯ, 1955, № 4, стр. 25.

В статье «К вопросу о синонимах и их стилистической роли в современном молдавском языке» (стр. 100—114) Н. Г. Корлэтяну дает небольшой очерк различных типов синонимов молдавского языка, а затем прослеживает их стилистические функции в художественных произведениях. В соответствии с этим он занимается синонимическими рядами, характерными для различных стилей языка (см. стр. 102 и сл.), приводит ряд синонимических соответствий, выражающих оценочно-характеристическое отношение автора к изображаемому (стр. 105), касается вопросов фразеологической и грамматической синонимии (стр. 106). Вторая половина статьи, посвященная изобразительной роли синонимов в художественных произведениях, написана менее убедительно. Прослеживая употребление синонимов, Н. Г. Корлэтяну не раскрывает и не перечисляет их стилистических функций, а делает общие и подчас ничего не значащие замечания. Оказывается, синонимы используются писателями для того, чтобы «лучше охарактеризовать какое-либо явление или положение» (стр. 109), что писатель «каждый раз должен тщательно взвешивать и решать, «подходит ли к данному тексту тот или иной взятый им синоним» (стр. 111) и т. д.

Все это лишний раз убеждает в необходимости более тщательно разрабатывать вопрос о стилистических функциях речевых средств, которые они выполняют в художественных произведениях. Если же под этими функциями подразумевать их изобразительную роль, то придется заниматься анализом тех целей, которые преследуются при употреблении слов, выражений, конструкций и т. п., а также самих результатов, раскрывая тот эффект, которого достигает автор. Другими словами, говоря о стилистических функциях, необходимо иметь в виду употребление средств языка в целях выражения, например, иронии, патетики, юмора и сатиры и т. п., употребление этих средств в целях индивидуализации и типизации речи действующих лиц, стилизации самой манеры повествования и т. п.

Наряду с анализом стилистических функций следует заниматься изучением самих приемов употребления речевых средств, разумея в данном случае те многообразные и часто весьма индивидуальные у каждого автора способы сочетания подчас стилистически далеких и весьма неоднородных средств языка. Многие из этих приемов общеизвестны и используются почти каждым писателем, но в то же время каждый выдающийся художник слова обогащает стилистику художественной речи новыми приемами, ибо, как подчеркивал Пушкин, «язык неистощим в соединении слов».

Если усилия стилиста будут направлены в сторону детальнейшего изучения многогранных функций речевых средств и еще более многообразных приемов их употребления, то решение сложных проблем языка художественной литературы значительно продвинется вперед. Кроме того, это даст возможность освободиться от некоторых иногда непонятных и бессмысленных терминов, которые применяются в работах по языку писателя. Это, например, относится к термину «стилистическое употребление», при помощи которого часто подменяется и снимается проблема функций, а также и приемов употребления. При этом возникает сомнение: есть ли, кроме «стилистического употребления», употребление «нестилистическое»? Разве в художественном произведении есть стилистические не мотивированное применение языковых элементов?

В связи с этим возникает также вопрос: можно ли применять к языку художественных произведений деление синонимии (приводимое в статье Н. Г. Корлэтяну) на стилистическую, отражающую богатство различных стилей языка, и идеографическую, связанную с различными оттенками значений и понятий (стр. 107). Так как в языке писателя все речевые средства в стилистическом отношении мотивированы, то этого, видимо, делать не следует. Вообще одной из распространенных ошибок исследователей языка художественных произведений является механическое перенесение принципов и методов анализа состава и структуры общенародного языка в область анализа языка писателя.

Что касается статьи И. И. Ковтуновой «О синтаксической синонимии» (стр. 115—142), то эта статья со всей очевидностью убеждает, что в данной области еще ничего не сделано, что первоочередная задача стилистики — определить понятие синтаксического синонима и очертить тот круг параллельных, соотносительных конструкций, которые находятся в синонимических отношениях.

Указанная статья значительно выиграла бы в том случае, если бы в ней сначала четко и ясно была изложена точка зрения автора на синтаксические синонимы, а главное — приведены конкретные примеры различных синтаксических параллелей и эквивалентов (как это в свое время сделал Пешковский). Но, не раскрыв, так сказать, свои карты и не убедив читателя, И. И. Ковтунова сразу вступила в полемику с А. М. Пешковским, А. Н. Гвоздевым, Е. А. Назиковой, не потрудившись хотя бы кратко, но убедительно изложить существо взглядов и систему доказательств того же Пешковского или других авторов. Читателю, не посвященному во все эти вопросы и подробности, приходится лишь верить И. И. Ковтуновой, что, например, Г. И. Рихтер берет из списка Пешковского «семь разрядов синонимов, и этот небольшой список так же лишен принципиального единства, как и состоящий из тридцати двух разрядов синонимов список Пешковского» (стр. 119). Какие это семь разрядов, каков «список

Пешковского» и почему он лишен «принципиального единства» — читатель должен догадаться и разобрать сам.

Большим недостатком статьи И. И. Ковтуновой является ее тяжелый, вычурно-ученый слог. Отдельные места просто нуждаются в переводе их на русский язык. Все это, конечно, недопустимо в сборнике, посвященном культуре речи. Например: «Таким образом, предложения, которые являются синонимами в пределах „нулевой“ модальности, теряют это свойство при попытке их перенесения в другой модальный план, что оказывается невозможным из-за того, что одночленное предложение целиком переходит в другой модальный план, а в двучленном — только его следственная часть» (стр. 137).

Следующий круг вопросов речевой культуры, которым посвящены в сборнике статьи, относится к состоянию современных орфоэпических норм русского языка. Известно, что произношение является наиболее ярким и бросающимся в глаза показателем речевой культуры. Поэтому ошибки и недопустимые отклонения от принятых норм орфоэпии обычно квалифицируются как признак безграмотности или во всяком случае плохой речевой культуры, свидетельствующей уже о низком культурном уровне говорящего.

Вопросам нормализации произношения уделено много внимания в статье С. И. Ожегова. Нельзя не согласиться с одной из основных мыслей, которая настойчиво и последовательно развивается автором, — это необходимость активного участия языковедов в создании единых и четко определенных норм произношения, устраняющих различные колебания и многочисленные варианты, вносящие в русскую орфоэпию элементы бессистемности и субъективизма. Не в пример тем исследователям, которые отказывались от активного вмешательства в нормы языка и заявили, что дело языковедов показывать, как говорит народ, а не указывать, как надо говорить, С. И. Ожегов решительно высказывается за унификацию норм, за их четкость и единство. Он подчеркивает, что «при широте функций современного русского литературного языка отсутствие четких и для всех убедительных норм при наличии колебаний в области словоупотребления, произношения и стилистических форм речи совершенно нетерпимо» (стр. 11).

Приходится лишь сожалеть, что, обращаясь к конкретным фактам языка, С. И. Ожегов не всегда остается таким твердым и решительным сторонником строгого единообразия произносительных норм. Например, в весьма интересном разделе «Краткие заметки» (в котором даны справки и ответы на вопросы: склоняется ли *Москва-река*; как произносить — *ас* или *асс*, *бомбоньерка* или *бомбоньера*, *языковой* или *языкбый*, *ноль* или *нул*; есть ли глагол *испещрить* в современном русском языке?) он обращается к такому весьма типичному случаю колебаний в ударении слова, как *языкбый*. Казалось бы, что, руководствуясь принципом унификации произношения, вполне целесообразно было рекомендовать единое во всех случаях произношение этого слова с ударением на окончании — *языкбый*. Однако, считаясь с существованием одного лишь терминологического выражения (*языковая колбаса*), С. И. Ожегов предлагает сохранять эту пестроту произношения. Вообще непонятно, стоит ли из-за одного редкого сорта колбасы заставлять людей каждый раз перед произношением этого слова проделывать «умственную гимнастику» и определять, о чем идет речь: о колбасе (*языкбый*) или фактах речи (*языковых*). В недалеком прошлом такие ненужные различия вносились в ударения слова *квартал*, когда часть года имела одно ударение (*квартал*), а часть города — другое (*квартáл*). Ко всеобщему облегчению и удовольствию такое различие ныне признано нецелесообразным и рекомендуется единое произношение этого слова во всех случаях применения (*квартáл*).

Сомнительной в статье С. И. Ожегова является рекомендация мягкого произношения звуков в словах *мягкий*, *пыльный*, *ветхий*, *натягивать* и др. (стр. 20). Все же остается бесспорным, что московское произношение (как и центральных областей) отличается редукцией гласного после задненебных согласных *г*, *к*, *х*: *строгáй*, *крепнáй*, *Белинскáй*, *Горькáй*. Следовательно рекомендовать книжно-орфографическое произношение, на наш взгляд, не представляется оправданным и целесообразным.

В связи с тем, что некоторые рекомендации являются спорными и нуждаются в обсуждении, полезно было бы в сборниках по вопросам культуры речи открыть дискуссионный отдел. Нельзя рекомендовать одного лица безоговорочно принимать в качестве нормы. В нормализации современного произношения, в обсуждении и выработке его норм необходимо придерживаться принципа коллегиальности и привлекать к участию в этом многих знатоков и любителей языка и словесности.

Необходимые и ценные для анализа современных произносительных норм материалы опубликованы И. С. Ильинской и В. Н. Сидоровым в статье «О сценическом произношении в московских театрах» (стр. 143—171). Их наблюдения

свидетельствуют о большой и в ряде случаев недопустимой и нетерпимой пестроте, которая царит в сценическом произношении. Театры, призванные быть рассадником образцового произношения, не уделяют должного внимания работе актеров в этой области.

Авторов статьи следует лишь упрекнуть за те выводы, которые они делают, как бы одобряя существующее положение вещей: «Из приведенного нами материала, взятого непосредственно из сценической практики, безусловно вытекает один вывод—сцена не копирует действительности, из всей массы произносительных отклонений от литературной нормы она отбирает лишь некоторые, наиболее выразительные, т. е. наиболее выделяющиеся, черты, заметные на фоне общелитературного произношения» (стр. 170).

Следует также подчеркнуть, что анализ сценического произношения, как и вообще разработку вопросов орфоэпического характера, необходимо поставить на более прочную теоретическую основу. Такой основой будет учение о с т и л я х п р о и з н о ш е н и я, их историческом развитии и роли в современной речевой практике.

Для разработки вопросов речевой культуры очень важно, что стили произношения, бытующие в разговорной русской речи, довольно разнообразны и с фактом их существования приходится считаться. Под стилями произношения имеются в виду разновидности или произносительные системы, которые исторически складывались как соотносительные варианты произношения. Их существование и развитие определяется неоднородностью самих носителей языка, а также спецификой разговорной и книжной речи.

Так, различаются две основные группы стилей произношения: 1) литературные и 2) просторечно-нелитературные. Если первые являются нормированными и, следовательно, соответствуют одобренной традицией орфоэпической норме, то стили нелитературные рассматриваются как отклонение или искажение этой нормы. Они не имеют прав литературности. Следовательно, принцип различения этих стилей, основанный на учете степени нормированности произношения, позволяет правильно решать многие конкретные вопросы орфоэпии.

В свою очередь группа нелитературно-просторечная разделяется на ряд стилей, специфика которых определяется самими носителями языка. Дальнейшее исследование покажут, можно ли к ним отнести: а) просторечный стиль, элементы которого обычно квалифицируются как безграмотность (*шешнадцать* вместо *шестнадцать*, *хош* или *хоша* вместо *хоть* и т. п.); б) диалектный, отражающий произносительное своеобразие какого-либо говора (например, яканье: *вмсна*, *мштла*, *пмвста* и т. п.); в) иноязычный, характерный для речи овладевавших русским языком представителей различных народностей и национальностей.

При решении задач совершенствования речевой культуры необходимо также учитывать многогранность первой группы стилей произношения, т. е. литературных, не нарушающих в основном орфоэпические нормы. Но и в данном случае при изучении многочисленных вариантов литературного произношения, стилистически мотивированных и исторически оправданных, перед исследователями возникают различные задачи, непосредственно относящиеся к вопросам современной речевой культуры. Так, на фоне нейтрального литературного произношения выделяются такие его варианты и разновидности, как псевдолитературное произношение (например, *академия*, *тэма*, *энергия* и т. п.), частично восходящие к жаргонно-аристократическому словупотреблению (например, у тургеневского Кирсанова: *принцип*). Остается еще неясным вопрос: элементы каких стилей произношения, бытовавших в прошлом, вошли во всеобщее употребление, можно ли говорить о таких видах произношения, как ораторский стиль или стиль академический?¹

Вопросам орфоэпии в сборнике посвящены также статьи Н. А. Баскакова «Некоторые вопросы орфоэпии татарского языка» (стр. 200—207) и А. А. Реформа «Речь и музыка в пении» (стр. 172—199), в которой поднимаются новые и еще совсем неисследованные вопросы, интересующие как языковедов, так и музыковедов.

Проблемам нормализации языка уделено много внимания в ряде статей рецензируемого сборника. Так, С. И. Ожегов пишет о задачах нормализации не только произношения, но и грамматической системы русского языка, правописания, словупотребления, терминологии.

В статье Э. Ю. Нурм «Из практики нормализации эстонского литературного языка» (стр. 34—51) также рассматриваются вопросы, связанные с унификацией орфографии, ударения, транслитерации русских имен, морфологической структуры слов, терминологии и т. п.

¹ Ср. замечания о стилях произношения в книге Р. И. Авнесова «Русское литературное произношение» (2-е изд., М., 1954).

Разумеется, никто не станет спорить, что решение всей этой проблематики имеет большое значение для подъема речевой культуры народа. Возникает лишь сомнение: следует ли так широко понимать проблему культуры речи и включать в нее всю сложную и поистине громадную сумму вопросов и задач, стоящих перед различными областями языкознания. Если, например, в сборниках, подобных рецензируемому, будут всерьез и всесторонне рассматриваться спорные вопросы нормализации, скажем, русской орфографии и пунктуации, то не потонут ли вопросы речевой культуры в общей массе орфографических проблем? Неясно также, что придется на долю нормативной грамматики или нормативной лексикологии, если сектор культуры речи Института языкознания включит все эти вопросы в свою тематику и проблематику. Другими словами, не произойдет ли подмены предмета и задач исследования, в результате чего любое рассуждение о языке, его фактах и нормах будет рассматриваться как решение вопросов культуры речи.

Не остается сомнений в необходимости более четко определить круг вопросов и объектов исследования, которые будут разрабатываться и публиковаться в ожидаемых всеми новых сборниках по культуре речи. Нельзя задачами грамматической или орфографической нормализации языка подменить и заслонить разработку многих стилистических проблем, относящихся к словесному мастерству, к специфике устной и письменной речи, к синонимике и другим проблемам, о которых речь шла выше.

Выход из создавшегося положения может быть таким. Поскольку культура речи прежде всего проблема стилистическая, постольку не следует основное внимание сосредоточивать на нормализации, например, склонения имен существительных или на нормализации правописания предложных сочетаний или наречий (о чем пишет С. И. Ожегов на стр. 26—27). Центр тяжести следует перенести на изучение стилистического своеобразия различных фактов языка.

Стилистическая нормализация речевых средств — вот основная и центральная задача, стоящая перед языковедами, разрабатывающими теоретические основы речевой культуры. Общеизвестно, что и слова, и части речи, и синтаксические конструкции в стилистическом отношении своеобразны и неоднородны. Выразительные возможности и стилистическая специфика очевидны, например, в именах прилагательных (*большущий, глазастый, удороваекошек, разлюбезный, глуповатый, здороваенный*), в модальных словах, вносящих в речь оценочно-характеристические качества (*как говорится, с позволения сказать и т. п.*), в употреблении, например, местоимений *ты* и *вы*, имеющих сложную и весьма интересную в стилистическом отношении историю.

У нас пока еще очень мало сделано в области изучения стилистической дифференциации грамматических средств. Между тем с заложенными в них выразительными качествами и характерным для них «стилистическим паспортом» приходится очень серьезно считаться каждому автору или оратору. Таким образом, разработка вопросов речевой культуры побуждает направить усилия языковедов-стилистов в сторону стилистической нормализации языка. Хотя эти нормы весьма разнообразны и исторически изменчивы, однако они представляют собой сложную и целостную систему.

Если внимательно анализировать все погрешности в устной и письменной речи и определять основные пороки и недостатки речевой культуры, то станет очевидным, что типичными и характерными являются недостатки и погрешности именно стилистического характера. В устной и письменной речи образованного человека недопустимы нарушения орфоэпических, грамматических или орфографических норм, как правило, не встречаются. Что же касается погрешностей в области стилистики, то они довольно обычны и ощущаются всеми.

Например, общеизвестно, что «секреты» хорошего слога во многом зависят от умелого расположения слов, что неудачный порядок слов влечет за собой логические неточности или нелепости. В подтверждение сошлемся на ошибки в некоторых газетных сообщениях. Например, в заметке об экспедиции по борьбе с саранчой читаем: «Одновременно с практической работой участники экспедиции занимались подготовкой специалистов по борьбе с сельскохозяйственными вредителями из местного населения» («Вечерняя Москва» 12 X 55). Фраза построена так, что можно подумать о «сельскохозяйственных вредителях из местного населения». Укажем также на неясность, встречающуюся в названии статьи, которая озаглавлена: «Помощь Индии в создании технологического института» (этот же номер «Вечерней Москвы»). В данном случае неясно, кто кому помогает: Индия нам или мы Индии?

Не случайно поэтому удачному расположению слов придавали очень большое значение наши лучшие стилисты, безупречные мастера слова. Чехов, например, читая многие переводы художественных произведений, отчетливо видел погрешности прежде всего в расположении слов, о чем он рассказывал в письме к А. С. Суворину: «Мне кажется, беллетристику я переводил бы великолепно; когда я читаю чужие переводы, то произвожу в своем мозгу перемены слов и перестановки, и получается у меня нечто легкое, эфирное, подобное кружевам»¹.

¹ А. П. Чехов, Полное собр. соч. и писем, т. 15, М., ГИХЛ, 1949, стр. 199—200.

Итак, основные погрешности в устной и письменной речи носят преимущественно стилистический характер. Поэтому и разработка стилистических проблем, а также конкретных вопросов стилистической нормализации современного литературного языка вполне очевидна. Борьба за подлинную культуру речи сводится главным образом к стилистическому совершенствованию языка, а не к своеобразному «ликбезу», как это иногда понимают некоторые стилисты.

*

К стилистическому изучению речевых средств имеют прямое и непосредственное отношение работы, связанные с характеристикой самих стилей языка и определением их своеобразия. В рецензируемом сборнике этой теме посвящена статья В. Д. Левина «О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка» (стр. 67—99).

Основная цель, которая преследуется в этой статье, — определить специфику языка художественных произведений и, главное, доказать, что язык художественной литературы не соотносительен с функциональными стилями литературного языка, что он не может быть поставлен в один ряд с ними.

При решении такой проблемы важно наметить самые принципы и методы исследования. Посвятив свою статью определению места языка художественной литературы в системе стилей национального языка, В. Д. Левин, естественно, должен был в первую очередь охарактеризовать эту «систему» стилей, т. е. конкретно назвать, какие же стили национального языка он имеет в виду. После того, как эта система была бы в какой-то мере охарактеризована, разобравшись в целом, можно было бы определять и место в нем языка художественной литературы. К сожалению, в статье этого нет, что следует рассматривать как существенный ее недостаток.

Не называя конкретно, какие же стили национального языка составляют язык с языком художественной литературы, В. Д. Левин с начала и до конца статья пользуется туманными и сбивчивыми терминами и выражениями, например: «функциональные стили общего языка», причем остается неясным, что подразумевается под «общим языком»; на стр. 71 и 83 слово «общий» взято в кавычки; «функциональные стили литературного языка», причем неясно, каковы стили литературного языка и чем они отличаются от стилей «общего» языка; «функциональные разновидности»; «язык художественный не может быть противопоставлен языку „общему“, „практическому“»; «отграничение языка художественной литературы от функциональных разновидностей речи» (а не языка?); «... от всех остальных стилей». Таким образом, не указав и не раскрыв системы этих «остальных» стилей национального языка, В. Д. Левин сразу приступил к определению в этой загадочной системе места языка художественной литературы (причем этого «места» так и не нашлось). Статья оказалась вследствие этого написанной не на объявленную в заглавии тему.

Но более существенным и вытекающим из первого недостатком является самый принцип рассуждения, избранный автором статьи. Получилось так, что известное (язык художественной литературы) В. Д. Левин стал сопоставлять с неизвестным (система стилей национального языка) и говорить о соотносительности или несоотносительности этих категорий. От применения такого метода страдает, конечно, не только существо дела, но и читатель.

Обратимся к существу дела, т. е. доказательству того, что язык художественной литературы не соотносительен с другими стилями литературного языка (хотя в статье упоминается, как указывалось выше, и национальный, и «практический», и «общий» язык). Обычно одна ошибка влечет за собой другую, так как неверное исходное положение неизменно потянет за собой и другие.

Рассматривая только своеобразие речевых средств и приемов их употребления в языке художественной литературы и не потрудившись сделать то же самое, например, в области языка публицистики, В. Д. Левин построил систему доказательств, которые должны подтвердить справедливость выдвинутого им положения. Но, игнорируя анализ языка публицистических произведений, автор не заметил, что все приводимые им аргументы в пользу несоотносительности языка художественной литературы со стилями литературного языка полностью относятся и к языку публицистических произведений. Постараемся доказать это, приводя основные тезисы В. Д. Левина (пока без всякой критической оценки).

1. «Нет такого факта языка, который не мог бы быть употреблен в составе художественного произведения». Если предположить, что это положение верное, то окажется, что оно целиком распространяется и на язык публицистики, ибо перво хорошего публициста не чуждо всего того, что употребляется писателем в художественной литературе.

2. Язык художественной литературы «лишен всякой стилистической замкнутости». Это полностью применимо и к публицистике, ибо о какой стилистической замкнутости языка можно говорить, имея в виду образцовые публицистические произведения,

написанные на самые разнообразные темы и часто принадлежащие тем же мастерам слова (ср. публицистические произведения Горького, А. Толстого, Леонова).

3. Если язык художественного произведения «может представлять собой целую систему соотносительных стилей», то почему же этого нельзя сказать о языке хорошего публицистического произведения, в стилистическом отношении тоже весьма многогранного?

4. Допуская, что «определенная стилистическая ограниченность того или иного художественного произведения может объясняться, между прочим, и степенью широты охвата явлений действительности в данном произведении», В. Д. Левин как-то забывает, что это положение в равной степени применимо и к публицистике.

5. Язык художественной литературы не может быть поставлен в один ряд со стилями литературного языка «хотя бы уже потому, что вбирает их в себя». Трудно предположить, что язык публицистики так однообразен и ограничен, что он не вбирает в себя элементы других стилей. В подтверждение можно сослаться на постоянное использование в публицистике речевых средств, характерных для языка художественной литературы, науки, искусства, производства, быта и т. п.

6. Специфика языка современной художественной литературы определяется его эстетической функцией, которая «раскрывается в его подчиненности и дейно-художественному замыслу писателя». Отказывая, видимо, языку публицистики в эстетических качествах, В. Д. Левин поступает безусловно неправильно. Дело в том, что образцовые произведения талантливых публицистов в эстетическом отношении по-своему весьма специфичны. И уж, конечно, подчиненность языка идейному замыслу автора в них неоспорима.

Таким образом, становится вполне очевидной несостоятельность такого рода аргументации, построенной по способу сопоставления известного с неизвестным, т. е. осуществленная без детального анализа языка не только художественных, но и других произведений.

Если подвести предварительные итоги рассуждениям В. Д. Левина, то окажется, что имеется: 1) система стилей литературного языка и 2) система стилей языка художественной литературы, которая не входит в состав стилей литературного языка, а представляет собой какую-то автономную область. Что же в таком случае представляет собой литературный язык и почему важнейшая составная его часть — язык художественной литературы — оказалась оторванной и изолированной от него?

Вполне очевидно, что вся эта путаница объясняется каким-то своеобразным и неправильным пониманием стилистики языка и принципов его анализа. В этом можно убедиться, проследив за некоторыми рассуждениями автора относительно методологии изучения стилей. Как известно, до сих пор было принято полагать, что стили языка — это, выражаясь философски, объективно и независимо от нашего сознания существующие в языке исторически сложившиеся его разновидности. Но В. Д. Левин рассуждает иначе: по его мнению, стили языка создаются путем применения некоторых принципов лингвистического анализа. Указав, что «выделение стилистики опирается на два взаимообусловленных факта: 1) на наличие специфических... фактов речи; 2) на относительную стилистическую „замкнутость“, ограниченность стилистики...», он затем делает следующий вывод: «Ведь, собственно, последовательное и выдержанное применение этих принципов и создает определенный языковой стиль» (разрядка наша. — А. Е.).

Во многом нафос рецензируемой статьи полемически заострен против определения стилей языка как «семантически замкнутых, экспрессивно-ограниченных и целесообразно организованных систем средств выражения». Цитируя это определение, В. Д. Левин умалчивает, что оно было сформулировано В. В. Виноградовым еще в 1946 г. и что позднее он дал новое определение стилистики. Бесспорно, полемика не должна вестись без учета новейших работ и эволюции самих взглядов исследователей на предмет обсуждения.

Говоря о системе стилей литературного языка и доказывая, что язык художественной литературы не соотносится с этими стилями, В. Д. Левин, безусловно, должен был дать хотя бы рабочее определение стилистики. В статье этого, к сожалению, не оказалось, и спорить на тему, является ли язык художественной литературы стилем литературного языка или это не стиль, нельзя без хотя бы общего представления о том, что автор вкладывает в понятие стилистики. Если же иметь в виду определение стилистики, данное В. Д. Левиним во время дискуссии по стилистике в журнале «Вопросы языкознания» (стиль — «... совокупность обладающих определенной окраской языковых средств, которые образуют здесь цельную, законченную систему»¹), то язык художественной литературы как система речевых средств, обладающих «определенной окраской», безусловно, является стилем литературного языка.

Следует со всей определенностью сказать, что споры по поводу важнейших вопросов стилистики и истории литературного языка станут плодотворными лишь в том

¹ См. ВЯ, 1954, № 5, стр. 75

случае, если будет выработано правильное и четкое определение стиля, названы его важнейшие признаки и, главное, — изучены основные разновидности литературного языка, а также разговорно-бытовой речи.

Правильное решение проблемы стиля как основного предмета стилистики станет возможным, если мы будем рассматривать стиль как разновидность языка, отличающуюся своеобразным строем речи, т. е. будем рассматривать стиль как категорию структурно-синтаксическую. Именно своеобразием строя речи, характером подбора и объединения речевых средств отличаются друг от друга любые стилевые разновидности литературного языка. Поэтому так необходимо сопоставительное изучение строя речи, характерного для различных видов литературного языка, например, для документально-деловой переписки (протокол, заявление, судебное решение и т. п.), для научных работ (рецензия, лекция) и др.

Выдвигая на первый план изучение структурно-синтаксических признаков стиля, исследователи направят свои усилия на анализ основного и важнейшего его свойства, в зависимости от которого находятся другие признаки, создающиеся в силу стилистической дифференциации речевых средств и отнесенности к каждому из стилей характерных для них фактов языка. Это поставит исследователей перед необходимостью характеризовать стиль и как категорию лексико-семантическую, ибо как в составе лексикона, так и в значениях слов со всей очевидностью прослеживается их стилистическая дифференциация.

Отметим также в статье В. Д. Левина явно неверные положения. К числу последних относится, например, его категорическое утверждение, будто бы «нет такого факта языка, который не мог бы быть употреблен в составе художественного произведения». Известно, что сторонников такого взгляда строго осудил еще А. М. Горький, решительно выступивший против такой «неразборчивости», против привлечения в художественную литературу всякого речевого «хлама». И существо борьбы Горького за чистоту языка можно понять во всей глубине лишь в том случае, если учитывать, что он призывал внимательно просеивать и фильтровать речевые средства общенародного языка. И только в том случае, если им удается пройти через многие фильтры и выдержать это испытание, они оказываются пригодными для употребления в художественной литературе. Мало ли в общенародном языке, включая его диалекты, есть искаженных, грубых, а иногда просто нецензурных речевых средств, которые писатель ни при каких обстоятельствах не имеет права употреблять, так как делать это запрещает мораль культурного человека. Если же данный тезис В. Д. Левина применить к языку, например, публичных выступлений, то тогда станут совершенно излишними вообще какие бы то ни было разговоры о культуре речи, потому что эта проблема окажется надуманной и ненужной.

*

В сборнике, к сожалению, не поставлены конкретные задачи изучения и совершенствования устной публичной речи. Между тем настало время во весь голос говорить о развитии ораторской речи, об изучении и обобщении опыта лучших ораторов, о разработке пособий по красноречию, в которых так нуждаются наши лекторы, докладчики, пропагандисты, — словом все, кто имеет дело с публичными выступлениями.

Известно, что во главе блестящей плеяды ораторов пролетарской революции стоял В. И. Ленин, публичные выступления которого в свое время получили восторженную оценку И. В. Сталина и А. М. Горького. «...Вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию», «непреодолимая сила логики», — так характеризовал И. В. Сталин ораторское мастерство В. И. Ленина, подчеркивая, что «необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, — все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных „парламентских“ ораторов»¹.

Языковеды-стилисты, направляя свои усилия на разработку проблем ораторской речи, на изучение истории различных ее видов, должны прежде всего правильно охарактеризовать самые закономерности развития красноречия. Следует напомнить и подчеркнуть, что еще в XIX в. развитие русского красноречия шло в двух направлениях: подъем и развитие истинного красноречия наблюдались в среде революционно-демократических деятелей, прибегавших к ораторскому слову как к мощному и испытанному оружию в борьбе нового мира со старым; упадок и перерождение красноречия в красноречиво-буржуазно-дворянской среде, вследствие чего была как бы скомпрометирована самая идея красноречия, а слово «оратор» стало выступать как синоним краснослова, фразера, болтуна. Русская художественная литература хорошо отразила эти две линии развития публичной речи, и сами писатели обычно выступали как горячие сторонники развития подлинного красноречия. Картину упадка

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 55.

культуры публичной речи с особой силой нарисовал Чехов в статье «Хорошая новость»¹. Узнав в 1892 г., что в Московском университете вводится преподавание декламации, которая, как определял Чехов, учит говорить «красиво и выразительно», он высказал в этой статье свои взгляды на красноречие, его состояние и развитие. Существо этих взглядов таково: «и в древности и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры»; люди, равнодушные к ораторскому искусству, лишают себя «одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку», «в обществе, где презирается истинное красноречие, царит риторика, х а н ж е с т в о слова, или пошлое красноречие»; «мы, русские люди, любим и поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загооне».

Указав, что в земских и дворянских собраниях говорят «вяло, беззвучно, тускло», Чехов переходит далее к судебным ораторам, заявляя, что в обеих столицах насчитывают настоящих ораторов пять-шесть. «На кафедрах у нас сидят зайки и шептуны, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним». Наконец, снижение уровня речевой культуры в среде буржуазно-дворянской интеллигенции Чехов подтверждает ссылками на рассказы и анекдоты: «Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собрался прочесть длинную речь, но выговорил „будь здоров!“, крикнул и больше ничего не сказал».

Отдавая себе отчет, что в условиях действительности 80—90-х годов прошлого века трудно было ожидать развития подлинного красноречия, Чехов обращал свои взоры в будущее: «Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно, и красиво, не станут оправдываться тем, что они „не умеют“ говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания — обучение красноречию следовало бы считать неизбежным».

Таким образом, учитывая сложный путь развития красноречия, исследователи должны вместе с тем вскрыть самую специфику ораторской речи, которая представляет собой оригинальное сочетание элементов живой разговорной речи, а также речи книжной, в частности образной, поэтической, ритмически организованной, украшенной. Это ее своеобразие отражается на средствах и — главное — приемах, которые способствуют созданию красноречивого выступления. Разработка этих вопросов будет серьезным вкладом в развитие речевой культуры.

*

В заключение сделаем несколько замечаний и пожеланий относительно выпуска подобных сборников.

Бесспорно, самый тип такого сборника следует приветствовать, но желательно, чтобы было меньше пестроты, чтобы помещаемые статьи не производили впечатления случайно подобранных, а отличались единством и объединялись вокруг какой-либо общей темы. Строго говоря, статьи В. Д. Левина и И. И. Контунюной по своему характеру, материалу, манере изложения и языку более уместны в научных записках, нежели в сборнике по культуре речи, рассчитанном на широкие круги читателей.

В первом сборнике следовало подробно рассказать о планах и перспективах работы сектора культуры речи Института языкознания АН СССР. Приходится лишь сожалеть, что редактор сборника С. П. Ожегов не включил в него такого рода программной статьи, хотя в журнале «Вопросы языкознания» он выступал на эту тему².

Необходимо открыть в сборниках отдел дискуссии и обсуждений, посвященных обсуждению вопросов нормализации литературного языка. Целесообразно также расширить отдел «Разные заметки», может быть, назвав его «Справочным отделом». Наряду с дальнейшей разработкой теоретических основ речевой культуры необходимо теперь же приступить к созданию конкретных проектов и планов создания различных пособий по культуре речи: словари синонимов, фразеологических словарей, пособий по орфоэпии, по стилистике устной и письменной речи.

Важнейший вывод, который необходимо сделать, рецензируя данный сборник, сводится к следующему. Пока стилистика не будет разработана и признана одним из важнейших разделов языкознания, решение актуальных проблем развития речевой культуры — в чем в первую очередь живо заинтересованы наши писатели, ученые, партийные и советские работники, учителя, адвокаты, дикторы — не продвинется вперед. У нас нет и не будет хорошего словаря синонимов или фразеологического словаря и дру-

¹ А. П. Чехов, Полное собр. соч. и писем, т. 8, М., ГИХЛ, 1947, стр. 499—501.

² См. ВЯ, 1953, № 1.

гих руководств и справочников до тех пор, пока многие языковеды не перестанут прохладно, а иногда и скептически относиться к проблемам стилистики, к стати сказать, весьма сложным, интересным и ответственным.

Языковеды, откровенно говоря, не помогают нашим писателям в совершенствовании языка художественной литературы, не изучают современную публичную речь, не создают пособий по культуре речи, по теории красноречия. Оставаться так долго и в таком большом долгу перед всей нашей общественностью нельзя. Назрела настоятельная необходимость решительного изменения положения вещей.

А. И. Ефимов

А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации. — М., Изд-во АН СССР, 1955. 398 стр. (Из-т языкознания.)

Книга А. Б. Шапиро — первая в своем роде: изучением системы русской пунктуации в таком объеме, как мы видим в этой книге, никто еще не занимался. Особенно богато и тонко разработан материал той части книги, где описаны всевозможные случаи употребления знаков препинания (стр. 87—351). Здесь изучаются и некоторые вопросы синтаксиса; поэтому труд А. Б. Шапиро является вкладом и в нашу синтаксическую литературу. Книга заслуживает внимательного изучения и подробного обсуждения.

Известно, что пунктуация вызывает много споров — как принципиального характера, так и практического. Принципиальные споры в основном сводятся к следующему: лежит ли в основе пунктуации интонация (ритмомелодика) или синтаксический смысл¹. Но прежде чем решать этот спор, надо решить едва ли не основной для теории пунктуации вопрос: является ли письменная речь самодовлеющей областью, не связанной с устной речью, или же устная речь есть основа письменной речи? А. Б. Шапиро склонен к первому решению. Впрочем при анализе конкретных фактов пунктуации он часто отстывает от своих принципиальных установок.

С поставленным здесь вопросом непосредственно связан вопрос об интонации как синтаксическом средстве языка. Некоторые языковеды не относят интонацию к числу грамматических средств. Когда А. Б. Шапиро пишет, что «... пунктуация является одним из очень выразительных средств передачи тех сторон содержания, которые либо не могут вовсе, либо не могут во всей полноте и глубине передаваться при помощи слов и грамматического оформления высказывания» (стр. 71), то читатель невольно приходит к выводу, что автор не считает интонацию одним из средств «грамматического оформления высказывания». Ведь если бы под грамматическим оформлением подразумевалась и интонация, слова автора означали бы, что существуют такие стороны содержания речи, которые не могут вовсе передаваться никакими языковыми средствами. Как же они передавались бы? И откуда мы знали бы, что они существуют?

На стр. 59 читаем: «В языках существуют, кроме лексики и грамматики, многие и разнообразные вспомогательные средства, которыми говорящие и пишущие пользуются в процессе языкового общения». Какие же это вспомогательные средства? Повидимому, автор имеет в виду интонацию, считая, что она не входит ни в лексику, ни в грамматику.

Однако, не признавая интонацию грамматическим средством, А. Б. Шапиро не всегда последователен. На стр. 97 разбирается пример: *Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.* Анализ этой реплики автор заключает мыслью о том, что «для выражения указанного смыслового оттенка» служит «оформление второго *жаль* как самостоятельного предложения». Но чем же оформлено слово *жаль* как самостоятельное предложение? Очевидно, интонацией. Значит, интонация все-таки служит для грамматического оформления речи, хотя она не признается одним из грамматических средств.

Для знаков препинания характерно то, что они ассоциируются с интонацией устной речи. Однако в определении знаков препинания А. Б. Шапиро избегает указания на интонацию. Он их определяет как «знаки, ставящиеся между словами, а не над словами и буквами или под ними и не между составными частями сложных слов» (стр. 57). О функции знаков препинания А. Б. Шапиро пишет: «Знаки препинания... обслуживают те стороны письменной речи, которые не могут быть выражены буквами в соответствии с существующими правилами орфографии» (стр. 5).

¹ В термин «синтаксический смысл» в настоящей рецензии вкладывается то понимание, которое изложено в статье Л. В. Щербы «Пунктуация» («Лит. энциклопедия», т. IX, М., 1935, стр. 366),